

ТАЙНЫЙ СУД

ВАДИМ СУХАЧЕВСКИЙ

СЛЕПЕНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Оформление *Екатерины Фerez*

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову
за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сухачевский, Вадим.

С91 Слепень : [роман] / Вадим Сухачевский. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 288 с. — (Тайный суд).

ISBN 978-5-17-094186-5

Зловещий проект НКВД «Невидимка» по созданию из детей опытных супердиверсантов возобновлен. Однако теперь им занимается не советская спецслужба, а его бывший куратор, неуловимый гениальный злоумышленник по кличке Слепень, умело меняющий свою внешность. Московское отделение Тайного Суда вынуждено собраться вновь, чтобы покарать монстра. Планы секретной организации справедливости нарушает нападение на СССР гитлеровской Германии, но Тайный Суд готов преследовать суперзлодея и на оккупированных территориях, даже если он окажется штурмбаннфюрером СС...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094186-5

© В. Сухачевский, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ВМЕСТО ПРОЛОГА

**Из статьи «Тайный Суд»,
помещенной в январском номере журнала
«Знание» за 1941 г.**

...И вот, в ту глубоко феодальную пору, примерно в середине XVI века, в некоторых германских княжествах возникает организация под названием «Тайный Суд». Подчеркнем, что речь идет о временах, когда самого понятия о честном суде и о справедливости в обществе фактически не существовало, все держалось на так называемом «феодальном праве» (т.е. на праве феодалов творить над представителями трудовых классов любой произвол), и только этот самый Тайный Суд давал простым людям хоть какую-то возможность добиться возмездия.

Эти темные люди еще не осознавали, что только революционный подъем народных масс может принести им истинную свободу и справедливость, как это сказано в бессмертном учении К. Маркса и Ф. Энгельса, углубленном гениальными работами В.И. Ленина и И.В. Сталина, ибо только революция...

Конец этого абзаца, как и последующие два, Лаврентий Павлович Берия, читавший эти строки, пропустил, поскольку не любил пустословия. Да и многое из написанного тут он уже знал, поэтому дальше стал выхватывать из журнальной статьи лишь отдельные куски.

...Звание члена Тайного Суда, так же, как и звание палача этого суда, было наследуемым и переходило исключительно от отца к сыну...

...Как правило, выносился смертный приговор, обозначенный одним из пяти слов: «Stock» («палка»), «Stein» («камень»), «Strick» («веревка»), «Gras» («травя»), «Grein» («страдание»), поэтому символом Тайного Суда были пять букв — SSSGG, — наводившие ужас на каждого, кто попадал в его сети...

...и этого барона, приговоренного Тайным Судом, на другое утро нашли прибитым деревянным колом к земле, так как приговор гласил: «**Палка**»...

...там и обнаружили садиста-виконта с разможенной **камнем** головой...

...Однако вскоре маркиза нашли. Он был повешен, ибо в приговоре значилось: «**Веревка**»...

...и там, в пещере, этот польский магнат был вынужден питаться одной **травой**, пока не скончался от голода...

Взгляд народного комиссара скользнул к последнему абзацу, в котором говорилось:

...но с ростом самосознания масс, с началом революционного подъема, когда угнетенные классы поняли, что их судьба в их собственных руках, Тайный Суд, разумеется, прекратил свое существование...

Дальше, как положено, полдюжины цитат из классиков, и наконец подпись: профессор С. Мудровой.

«Ох, перемудрил ты, С. Мудровой, — подумал нарком, бросая журнал в корзину для ненужных бумаг. — Прекратил свое существование! Как же!..»

Он вспомнил про двоих новопреставленных из собственного ведомства. Оба засранцы преизрядные, ничуть не было их жаль, любопытно лишь то, как эти недоноски преставились. Одному, понимаешь, кто-то вбил в глотку здоровенный камень, второму воткнули деревянный кол в брюхо. Очень было похоже на проделки этого самого Тайного Суда, от которого ему, наркому, так и не удалось очистить социалистическую родину.

Да, спаслись тогда каким-то чудом и Васильцев, кочегар-математик, и краля его, Катька эта, английская шпионка миссис Сазерленд (в девичестве Изольская), и палачонок этот, Викентий. С ними еще один из уцелевших «невидимок» был. Как издевательски лихо обвели тогда его, наркома, вокруг пальца!¹

¹ Об этих событиях читатель может узнать из романа В. Сухачевского «Сын палача».

Сгинули, растворились на необъятных просторах родины, теперь ищи-свищи.

Впрочем, и разыскивать их нарком, по правде говоря, не пытался — было опасение, что накроет их какой-нибудь слишком рьяный особист, выколочит из них всю правду-матку и выплывет на свет божий то, чему выплывать никак, ну никак не следовало! Неужто осмелились снова вернуться в Москву и продолжили заниматься этой своей судебной говнистикой?..

Ну да ладно, скоро это будет уже не его забота, пускай теперь Севка Меркулов расхлебывает¹. А уж он сам, Лаврентий Павлович, как куратор направит его, Севку, в нужное русло — в такое, что в жизни он ни до чего опасного не докопается.

Вот только статья этого С. Мудрового некстати, ох как некстати! Была даже мысль сиюминутная — немедля обратить долбаного профессора в лагерную пыль, нарком даже руку потянул к телефонной трубке. Однако, покуда рука была в движении, пришла новая мысль — что негоже ему, уже без пяти минут заму председателя Совнаркома, заниматься такой человеческой мелкотой, как этот профессор кислых щей. И вообще, при воспоминании о скором, уже решенном назначении настроение у него

¹ В феврале 1941 г. НКВД было разделено на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности. НКГБ возглавил Всеволод Меркулов, а Л.П. Берия был назначен заместителем председателя Совнаркома, курирующим и оба эти ведомства, и еще целый ряд других.

стало благостным, отчего он убрал руку и подумал почему-то словами, когда-то слышанными от Микитки Хрущева: «Нехай живэ».

* * *

Старшего майора госбезопасности Н.Н. Николаева (это звание он получил на днях) статья о Тайном Суде, напротив, вполне удовлетворила. Пускай себе нарком думает, что Тайный Суд все еще существует, это в некоторой мере прикрывало ту небольшую группу, которую он собрал. Целью этой группы было очистить «органы» от всякой нечисти, расплодившейся там в последние годы¹.

Взять того же майора Жереброва: уж совсем с рельсов сошел! Награбил антиквариата у подследственных на целый музей, ради этого, собственно, и отправлял людей в лагеря или «к стенке». Вполне заслуживал того, что получил, — камня в глотку. И садист-насильник, капитан госбезопасности Цирик, тоже заслужил, чтобы ему засадили осино-вый кол в жирное брюхо. Без этих двоих хоть и не намного, но все же легче стало дышать.

Отложив журнал, старший майор Н.Н. Николаев задумался о тех четверых, которых не столь давно спас — о Васильцеве, о Кате, о сыне палача Викентии и об этой девочке с изломанной судьбой, не то Ульяне, не то Полине, сотворенной, как гомункулус, в бесчеловечном проекте «Невидимка».

¹ О майоре Н.Н. Николаеве и его группе см. в книгах «Тайный Суд» и «Сын палача».

Он один знал, где они сейчас затаились, но давно уже не имел о них никаких вестей. Неужели так и доживут свой век в тиши?..

Слабо верилось — не те это были люди. Старший майор Н.Н. Николаев почти не сомневался, что пройдет совсем не много времени — и они еще провяжут себя.

* * *

Слушая доклад лейтенанта Мони́на из угро, начальник N-ской областной милиции полковник Ничипоренко все более хмурился, поскольку докладывал лейтенант именно о той четверке, поселившейся на окраине их города, в Нахаловке, в самом бандитском районе. Вот это-то и заботило молодого сыскаря: что там делать приличным с виду людям, школьному учителю с женой и с двумя великовозрастными детьми, парнем и девкой? Может, маскируются, а на самом деле какие-нибудь скупщики краденого или еще какие фармазоны? Надо бы к ним приглядеться, взять под наблюдение.

Что четверка эта непростая, полковник Ничипоренко и так знал, а хмурился он вот отчего. Едва они там, в Нахаловке, обосновались, как явился к нему из Москвы, с самой что ни есть Лубянки, большой начальник, старший майор госбезопасности Николаев и распорядился, чтобы четверку эту здешняя милиция ни под каким видом не трогала, а в награду обещал ему, Ничипоренко, со временем

перевод на хорошую должность в столицу нашей родины. Полковник было спросил — может, им какая помощь нужна, район-то уж больно беспокойный, на что старший майор только усмехнулся:

— Ничего, эти как-нибудь сами за себя постоят. Вся твоя помощь, полковник, в том, чтоб для твоих сыскарей их личностей как бы не существовало. Хорошо меня понял?

Какие уж тут непонятки? Видать, птицы высокого полета, небось какие-нибудь «внедренные», хотя, в общем, не его областного ума это дело, когда сама Лубянка приказывает.

— Так точно, все понял, товарищ старший майор государственной безопасности!

И вот на тебе — этот не в меру прыткий лейтенант!..

Дослушав его, полковник Ничипоренко спросил:

— А что, Нахаловка — это разве твоя земля?

— Никак нет, товарищ полковник, это я в свободное от службы время.

— Гляжу, времени свободного у тебя больно много.

— Виноват...

— Ладно, ладно. За бдительность благодарю, но дальше занимайся своими делами.

— Есть!

— Без тебя найдется кому этих четверых на заметку взять... А ты, Монин, вот что... Ты, я помню, в Минск хотел перевестись?

— Так точно, там у жены родня живет.

— Вот и лады, нынче же похлопочу о твоём переводе.

— Спасибо, товарищ полковник, уж не знаю как вас и благодарить.

— Ну-ну! Чего ж не пособить, когда хорошо служишь. В общем, готовься передавать дела. — «А то больно уж у тебя, друг ситный, шило в заднице».

* * *

И был еще один человек, который давно уже приглядывался к этой четверке, с прошлой весны поселившейся в N-ской Нахаловке. Когда впервые увидел издали эту девку на городском базаре, подумал: «Неужели?! Не может быть!» Лишь спустя несколько дней, дождавшись, когда она снова пойдет на базар, получше разглядел ее из окна в бинокль и понял: да, она! Теперь не оставалось никаких сомнений.

Как уцелела?.. Насколько ему до сих пор было известно, из тех, кто участвовал в проекте «Невидимка», в живых не осталось никого...

Впрочем, он-то сам остался, хотя с тех пор, как умно обставил свою «смерть», давно уже не числился в живых. Думал, что из «невидимок» он — единственный такой.

Теперь выходило, что, может, и нет, не единственный, и с этим надо было что-то решать.

Часть первая

НАХАЛОВКА — БЕРН — ВАРШАВА

Глава 1

Привет от Червеного.

Настоящее дело

До поры до времени их жизнь в N-ской Нахаловке была вполне спокойной. Известно было, что район это бандитский, но покуда настоящие урки их не трогали, видно, пока приглядывались. Если кто и доставлял мелкие хлопоты — так это всякая местная шантрапа, а вот опытному человеку сразу было видно, что, несмотря на внушительную внешность, этим ребятам до настоящих урок — как ефрейтору до генералиссимуса. А по мелочам бывало, конечно, всякое.

Раз какой-то здешний амбал попытался Полину прижать. Это ее, «невидимку»!.. Хорошо, неотложка вовремя подоспела, а то лежать бы ему в морге с номерком на ноге.

Еще три здоровенных паренька попробовали вечером взять Юрия на гоп-стоп. И хоть он, Юрий, по выучке сильно уступал Полине, но те пареньки тоже, должно быть, надолго потеряли охоту к подобным подвигам.

У Кати как-то раз некий тип попытался кошелку вырвать из рук, когда она шла из магазина. Инте-

ресно, успел он, прежде чем свалиться в бессознание, понять, кто это ему сапожком в лоб с такой силой заехал?

Ну и на Викентия однажды напали впятером, так потом трое из них месяц в больнице оклёмывались, а другие двое ходили с загипсованными руками.

Правда он, Васильцев, понимал, что просто так, ничем, дело не кончится. Он читал это во взглядах настоящих уроков, истинных хозяев Нахаловки, знал, что встреча с ними тоже неминуема, но это его не сильно заботило, не сомневался — и от них отбьются.

А пока, после тех не бог весть каких приключений, их жизнь в Нахаловке стала вовсе спокойной и размеренной. Сам Юрий преподавал математику в местном железнодорожном техникуме, Катя вела хозяйство, Полина (она так и оставила за собой имя погибшей подруги, тоже «невидимки») служила секретарем-машинисткой в райотделе милиции, Викентий работал в механической мастерской.

Но если Катю и его, Юрия, после всего пережитого такая жизнь вполне устраивала, то Викентия и Полину жизнь без подвигов явно тяготила. Едва не сразу после того, как они тут поселились, Викентий насел на Васильцева: мол, два судьи есть? Есть! Васильцев и Катя! Палач тоже имеется, вполне законный, по праву происхождения, как и положено по уставу Тайного Суда, ведь он, Викентий, приходится хотя и приемным, но сыном покойному па-

лачу, тоже Викентию, о чем и документ имеется. Так чего же, спрашивается, они тут сидят и мышей ни шиша не ловят?!

Юрий не стал разъяснять ему ситуацию так, как сам ее понимал: что пора распрощаться с этой опасной игрой, в которой не только караются преступники, но и сами судьи нравственно разрушаются. Он чувствовал, что Викентий, еще по сути остававшийся мальчишкой, едва ли его поймет, потому решил ограничиться формальной стороной дела. Чтобы Тайный Суд не превратился в судилище, в нем непременно должно быть три судьи, так уж заведено. Полина не в счет, поскольку судьями становятся исключительно по праву происхождения. Возразить Викентию было нечего — к уставу Тайного Суда он относился с пиететом, который привил ему покойный приемный отец. Вот тогда-то он и приуныл.

Была, впрочем, и еще одна причина для его уныния. Стенки в их хибаре были тонкие, фанерные, и однажды Юрий ненароком услышал разговор Викентия с Полиной.

— ...Не надо! — говорила Полина. — Прошу тебя — больше никогда!

— Но почему?! У нас же с тобой там, в Москве, было уже...

— Да, было... Но тогда я еще «невидимкой» была, так что, можно сказать, это была и не я.

— А сейчас ты что же... меня... совсем?..